

Языки письменного и устного общения российских императоров и курфюрстов Священной Римской империи в 1725–1799 гг.

М.А. Петрова

Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье, основанной на неопубликованных материалах Архива внешней политики Российской империи, впервые в историографии анализируются языки официальных грамот (верительных, отзывных, известительных и др.) светских и духовных курфюрстов Священной Римской империи германской нации и российских императоров в XVIII в. Руководствуясь традициями отечественной и зарубежной дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины, автор использует в качестве основного метода формулярный анализ, рассматривая обязательные формулы и языковые обороты начального и заключительного протоколов грамот, которые дают представление о социальном статусе отправителя и получателя. Статья актуализирует интерес к языкам дипломатии раннего Нового времени, возросший в последние годы в зарубежной историографии в связи с изучением переговорных практик на международных конгрессах. Работа с источниками показала, что в переписке с российскими императорами курфюрсты Саксонии использовали немецкий язык, курфюрсты Пфальца и Баварии – латинский, а с середины XVIII в. – немецкий. На этом же языке составлены грамоты духовных курфюрстов – архиепископов Майнца, Трира и Кёльна. В редких случаях использовался французский язык. Грамоты российских монархов традиционно составлялись на русском языке с приложением перевода на немецкий. Автор приходит к выводу, что формальная характеристика, которой является язык, позволяет получить представление об уровне отношений между коронованными и некоронованными особами, выявить разницу в статусе суверенных государей и правителей, де-юре ещё сохранявших вассальную зависимость, к которым принадлежали и курфюрсты. Об этом свидетельствуют категории родства, присутствующие в переписке. Так, российские императоры и императрицы выступали в отношении светских курфюрстов в качестве дяди или тёти, а не брата или сестры, как это было принято в переписке с суверенными государями, курфюрстов же именовали сначала племянниками, затем свойственниками (реже – кузенами), что дополнительно подчёркивало неравенство контрагентов. Рассмотренная переписка помогает среди прочего уточнить обстоятельства признания российского императорского титула влиятельными штатами Священной Римской империи.

Ключевые слова: дипломатия XVIII в., Священная Римская империя, формуляр грамот, немецкий язык, французский язык, латынь, суверенитет, эпистолярный этикет

УДК: 94(47:430)"1725/1799":327:81'26

Поступила в редакцию: 14.02.2024

Принята к публикации: 31.05.2024

Интерес к языкам дипломатии раннего Нового времени, возросший в последние годы, связан прежде всего с культурным поворотом в историографии и изменением подходов к изучению истории международных отношений. В современных исследованиях на первый план выходят личности непосредственных участников международного процесса – не только монархов, но и сотрудников внешнеполитических ведомств, а также многочисленных неофициальных агентов. Их главной обязанностью в эпоху интенсификации двусторонних и многосторонних контактов и создания постоянных дипломатических представительств при иностранных дворах было общение, в том числе символическое – через участие в церемониях, и ведение переговоров. Поэтому совсем не праздными являются задаваемые историками вопросы, на каких языках осуществлялось взаимодействие этих людей, стремившихся донести до противоположной стороны послания своих государей или правительств (если речь шла о республиках), и каковы были критерии выбора языка в том или ином случае¹.

Импульс к изучению языков дипломатии раннего Нового времени дали исследования истории международных конгрессов – от Вестфальского 1643–1648 гг., насчитывавшего 109 делегатов, до Утрехтского, Раштаттского и Баденского, завершивших Войну за испанское наследство 1700–1714 гг. Это была эпоха многоязычия, когда основной язык средневековой дипломатии – латынь – начал постепенно уступать свои позиции французскому. При этом в ходе переговоров и подготовки проектов мирных договоров широко использовались и другие европейские языки – немецкий, нидерландский, испанский, итальянский, на которые вскоре были переведены тексты заключённых соглашений (см. например: Braun 2010: 187–378²; Duchhardt, Espenhorst 2012; Schmidt-Rösler 2013; Schmidt-Rösler 2013a; Penzholtz, Schmidt-Rösler 2014; Gerstenberg 2014; Couto, Péquignot 2017; Беляев 2022)³. В последние годы вышла серия исследований, посвящённых истории распространения в Европе, в том числе в России, французского языка как языка придворного и международного общения и франкофонии как политического и культурного явления, обусловленного в том числе успехами Франции в создании эффективной дипломатической службы (Rjéoutski, Argent, Offord 2014; Strien-Chardonneau, Kok Escalle 2016; Bély 2017; Offord, Rjéoutski, Argent 2018; Rjéoutski, Frijhoff 2018; Оффорд, Ржеуцкий, Арджент 2022).

¹ О новых подходах в истории дипломатии см., например, Goetze D., Oetzel L., eds. 2024. *Early Modern European Diplomacy: A Handbook*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg. 830 p.

² Главы 4–6 в книге Гвидо Брауна посвящены сосуществованию латыни и французского, а также переводам текстов мирных договоров на иностранные языки.

³ А также см.: Holm S. 2024. Language and Diplomatic culture. *Early Modern European Diplomacy: A Handbook*. Ed. by D. Goetze, L. Oetzel. Berlin: De Gruyter Oldenbourg. P. 613–630.

Настоящая статья посвящена важному аспекту указанной проблематики: использованию языков в официальной переписке европейских дворов в XVIII в. на примере обмена грамотами между российскими государями и курфюрстами Священной Римской империи германской нации – наиболее влиятельными территориальными князьями, избиравшими императора. К 1714 г. их было девять: трое духовных (Майнц, Трир, Кёльн) и шестеро светских (Бавария, Богемия, Бранденбург, Брауншвейг-Люнебург, или Ганновер – по названию столицы, Пфальц и Саксония). После окончания Тридцатилетней войны и подписания Вестфальских мирных договоров в 1648 г. курфюрсты получили право на проведение самостоятельной внешней политики с оговоркой, что они не будут действовать против императора, и начали борьбу за дальнейшее утверждение статуса суверенных государей, в том числе через отправку к иностранным дворам послов – министров первого ранга. Они обладали так называемым репрезентативным характером, т. е. могли представлять своего государя во всей полноте, фактически выступая в роли его *alter ego*. Однако монархи Европы последовательно отказывали в этом праве курфюрстам, аргументируя свою позицию тем, что формально они продолжали считаться вассалами императора. Чтобы преодолеть предубеждение коронованных особ, некоторые курфюрсты на рубеже XVII–XVIII вв. смогли получить королевский титул, добившись таким образом полного суверенитета. Прежде королевским титулом обладал только курфюрст Богемии, принадлежавшей Австрийскому дому Габсбургов, представители которого с 1452 по 1806 г. (за исключением 1742–1745 гг.) занимали престол Священной Римской империи. Так, курфюрст Саксонии был в 1697 г. избран королём Речи Посполитой; курфюрст Бранденбурга в 1701 г. провозгласил себя прусским королём, а курфюрст Ганновера в силу династических связей занял в 1714 г. британский престол (Stollberg-Rilinger 2002).

Общая характеристика корпуса источников

Для нашего исследования интерес представляет переписка российских государей с курфюрстами, не имевшими королевского статуса или утратившими его. К последним относятся курфюрсты Саксонии, лишившиеся польского престола в 1704–1709 и 1733–1734 гг., а затем окончательно в 1763 г. Существующие работы по данной проблематике затрагивают главным образом отношения России с суверенными государствами (Гуськов 2007; Steppan 2016; Карданова 2013; Болотина 2013; Болотина 2022; Хаванова 2022; Хаванова, 2023; Шварц 2022; Ларина 2023). Хронологически настоящая статья охватывает послепетровскую эпоху (от Екатерины I до Павла I) и основывается на материалах, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи в фондах «Сношения России с Имперским собранием», «Сношения России с Имперскими чинами», «Сношения России с Баварией», «Сношения России с Саксонией», «Сношения России с Польшей». Грамоты некоронованных курфюрстов, адресованные регентам

при малолетнем императоре Иоанне VI – сначала герцогу Курляндскому Эрнсту Иоганну Бирону, а затем принцессе Брауншвейгской Анне Леопольдовне, нами не выявлены.

Согласно классификации С.М. Каштанова, грамоты относятся к договорному виду публично-правовых актов – «документов, устанавливающих определённые правоотношения либо между контрагентами сделки, либо между автором и адресатом» (Каштанов 1988: 22). В отечественной традиции изучения истории дипломатии грамотами называют официальные послания глав государств. В зависимости от содержания грамоты XVIII в. делятся на известительные (также нотификационные или нотификательные), т. е. уведомлявшие о рождении, бракосочетании, восшествии на престол, кончине членов монарших домов и других событиях; поздравительные; кредитивные (верительные, верующие или верящие), вручаемые вновь прибывшим дипломатом иностранному монарху на первой аудиенции; отзывные, вручаемые дипломатом на последней аудиенции накануне отъезда; рекредитивные (отпускные), вручаемые иностранному дипломату от двора его пребывания на последней аудиенции.

Мы не ставили перед собой задачу описать весь корпус сохранившихся грамот курфюрстов Священной Римской империи, хотя, безусловно, такого рода исследование необходимо. Первый шаг в этом направлении сделал ещё Н.Н. Бантыш-Каменский, с 1800 г. управляющий Архивом Коллегии иностранных дел. В 1801–1804 гг. он подготовил к печати обзор находившихся в его ведении источников под названием «Сокращённое известие о взаимных между российскими монархами и европейскими державами посольствах, переписках и договорах, хранящихся Государственной Коллегии иностранных дел в Московском архиве. С 1485–1802 год». Исследование увидело в свет в самом конце XIX в. Во второй его части, посвящённой германским государствам, Бантыш-Каменский дал краткую характеристику грамотам курфюрстов, имперских князей и вольных и имперских городов Священной Римской империи, адресованным российским монархам, и их ответам (Бантыш-Каменский 1896).

Для изучения внутренней структуры и стилистики грамот мы применили формулярный анализ, важнейший метод дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины, включающий в себя в том числе выявление языковых особенностей текстов. Основное внимание уделяется обязательным формулам начального и конечного протокола грамот: интитуляции (указание отправителя), инскрипции (указание адресата), салютации (приветственное обращение к адресату), субскрипции (сочетание подписи и формулы удостоверительного действия), сигнатуры (подпись) (Каштанов 1988: 169–171). В немецком источниковедении эти формулы называются *Kurialien* (от лат. *stylus curiae*), в официальных посланиях перед подписью к ним добавлялась ещё одна – заключительные вежливости (*Schlußcourtoisie*), иногда с выражением учтивой и любезной готовности к услугам в конце письма (Таценко 2016: 473–483; Hochedlinger 2009: 133–159).

В России XVIII в. официальные послания и речи готовились в недрах внешнеполитических ведомств – до 1718 г. Посольского приказа, затем – Коллегии иностранных дел; в германских государствах – княжескими канцеляриями. Рассмотренные нами грамоты курфюрстов переписаны набело писцами, собственноручными являются только подписи и в отдельных случаях заключительные вежливости. Грамоты российских монархов сохранились как в виде беловых отпусков, так и в виде черновиков. Некоторые послания контрастированы, т. е. удостоверены главой канцелярии или внешнеполитического ведомства. Большинство грамот представляют собой так называемые канцелярские послания (*Kanzleischreiben*), написанные от первого лица множественного числа (*Wir-Stil*). Есть и менее многочисленные грамоты от первого лица единственного числа (*Ich-Stil*), в немецкой традиции их называют *Handschriften*, не потому что они составлены собственноручно, а потому что имеют характер личных посланий и в них опущены некоторые формулы утвержденного письменного протокола (Таценко 2016: 171–172; Hochedlinger 2009: 173–174). В делопроизводственных материалах Коллегии иностранных дел личные грамоты иногда назывались кабинетными.

Переписка российских императоров с курфюрстами Саксонии

На протяжении первой половины XVIII в. Россия поддерживала курфюрстов Саксонии на польском престоле, поэтому обе державы часто были союзниками (Анисимов 2020: 27–121; Зябриков 2020). В те периоды, когда курфюрсты обладали польским королевским титулом, российские монархи обращались к ним, как к королям, используя обращение «Дружесбно-любезный брат, друг и сосед». Указание на братско-сестринские отношения издавна свидетельствовало о равноправии участников переписки. По традиции все грамоты, направляемые к иностранным дворам, в России составлялись на русском языке, к документам иногда прикладывался перевод. В 1725–1730-е гг. грамоты к польско-саксонскому двору отправляли либо без перевода, либо с переводом на немецкий и/или польский. При этом перевод на немецкий делали в России, а копию на польском поручали составлять послу. Так, к грамоте польскому королю Августу II Сильному (курфюрсту Фридриху Августу I) о вступлении на престол Анны Иоанновны от 28 февраля 1730 г.⁴ были приложены две копии (на русском и на немецком языках) для посла М.П. Бестужева-Рюмина и сказано: «немецкую копию, также другую сочиня по-полски, купно с оригинальною грамотою переслать в Саксонию и министрам полским»⁵. В 1733 г. (после смерти Августа II)

⁴ Даты документов указаны в статье в соответствии с оригиналом: российских – по старому стилю, европейских – по новому.

⁵ *Архив внешней политики Российской империи* (далее АВПРИ). Ф. 18. Дела и сочинения о титулах (титулярники). Оп. 2. Д. 14. Л. 40об. Благодарю М.И. Шикуюло за предоставление этих сведений. Здесь и далее сохранена орфография оригиналов.

к кредитивной грамоте графу Карлу Густаву фон Левенвольде была приложена копия только на русском языке, но «велено ему по приезде в Польшу заставить резидента [Петра] Голембовского сочинить по-полски для сообщения полякам»⁶.

До 1734 г. грамоты польских королей и саксонских курфюрстов составлялись как на польском, так и на немецком языке. Затем немецкий полностью вытеснил польский, поскольку внешняя политика польско-саксонского государства велась через институты и ведомства, созданные именно в курфюршестве, а на дипломатической службе почти не было поляков (Matzke 2011: 77–177). При этом в период двуязычия немецкий язык мог свидетельствовать о неформальных отношениях между монархами. К примеру, в апреле 1725 г. король и курфюрст Август II Сильный направил в Петербург императрице Екатерине I две грамоты с выражением соболезнований по случаю смерти своего друга и союзника Петра I и поздравлением по случаю восшествия на престол. Обе были написаны «по большому титуле», т. е. с перечислением всех владений, входивших в титулатуру обоих монархов. Грамота от 9 апреля на немецком языке, хотя и составленная от первого лица множественного числа и содержащая полные титулы отправителя и адресата и большую королевскую печать, имеет черты личного послания, о чём свидетельствует книжный формат расположения текста и листы бумаги, используемые в повседневной переписке. Грамота была свернута таким образом, чтобы одновременно служить конвертом, на одной из сторон которого был указан полный титул Екатерины I. Отметим, что она была названа *Durchlauchtigste Großmächtigste große Frau Czaarin und Großfürstin, freundlich vielgeliebte Schwester und Nachbahrin*, в переводе Коллегии иностранных дел – «Пресветлейшая Державнейшая великая княгиня, Государыня Царица и великая княгиня, дружелюбно-любезнейшая сестра и соседка», так как к этому времени российский императорский титул ещё не был признан ни Саксонией, ни Польшей. Август II также благодарил Екатерину I за решение оставить при его дворе прежнего посланника камергера Сергея Петровича Долгорукова. В подписи король значится как *Ewer Czaarischen Majestät getreuer Bruder, Freund und Nachbar Augustus Rex* («Вашего Царского величества верный брат друг и сосед. Король Август»). Собственноручно написаны только последние два слова. Послание было контрастигнено кабинет-министром короля графом Якобом Генрихом фон Флемингом⁷.

Грамота на польском языке от 20 апреля 1725 г. была составлена на большом свёрнутом в несколько раз листе альбомного формата, который тоже одновременно служил ей конвертом. Грамота выполняла функции верительной (кредитивной) для находившегося в Петербурге посланника Иоганна Лефорта.

⁶ Там же. Л. 48 об.

⁷ Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 7. Д. 28. Л. 1–6 об.

Полномочия дипломатов всегда подтверждались после смерти правителя. Август II подписался *Waszego Carowskiego Wielicenstwa Wierny Brat August* («Вашего Царского величества верный брат Август»), последние три слова написаны собственноручно⁸.

В грамоте от 4 февраля 1733 г., составленной от первого лица множественного числа, курфюрст Саксонии Фридрих Август II уведомлял Анну Иоанновну о безвременном уходе своего отца на немецком языке, обращаясь к ней *Durchlauchtigste Großmächtigste Rußische Kayserin, Hochgeehrteste Frau* («Пресветлейшая, Державнейшая Российская императрица, Высокопочтеннейшая Государыня»), и подписался *Ewer Kayserlichen Majestät Dienstwilligster treu verbundener Diener Friedrich August* («Вашего Императорского величества служебно-охотнейший верно-обязательной слуга Фридрих Август»)⁹. Таким образом, равноправные братско-сестринские и дружеские отношения между монархами сменились отношениями подчинения.

После избрания Фридриха Августа II в 1734 г. польским королём под именем Августа III он вновь стал братом и «приятелем» российских государей – от Анны Иоанновны до Екатерины II. Переписка по-прежнему велась на русском и немецком языках, причём некоторые грамоты по деликатным вопросам были составлены от первого лица единственного числа. К примеру, в грамоте от 30 апреля 1745 г. императрица Елизавета Петровна просила короля и курфюрста о признании великого князя Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского совершеннолетним на год раньше – не в 18, а в 17 лет. Просьба была обусловлена тем, что после смерти императора Карла VII 9 (20) января 1745 г. курфюрст Август III как викарий Священной Римской империи в землях саксонского права являлся одним из двух местоблюстителей императорского престола¹⁰ до выборов нового императора и мог решать подобные вопросы (подробнее об этом см.: Петрова 2023а: 36–39). Черновик грамоты Елизаветы Петровны, сохранившийся в АВПРИ, свидетельствует о том, что производные от местоимения «мы» были исправлены на производные от местоимения «я». В таком виде послание как будто имеет характер личной просьбы, хотя сама просьба в ней напрямую не высказана, а лишь выражена уверенность, что курфюрст примет свидетельства российской императрицы «о многоотличных качествах» её племянника и провозгласит его совершеннолетним¹¹.

⁸ Там же. Д. 30. Л. 2 об. (текст грамоты на польском языке), 3–4 об. (перевод на русский язык).

⁹ Копию грамоты и её перевод на русский язык см.: Там же. Ф. 37. Сношения России с Баварией. Оп. 5. 1745. Д. 3. Л. 18–19 об., 20–22.

¹⁰ Вторым викарием Священной Римской империи в землях салического права, т. е. швабских, рейнских и франконских, был курфюрст Пфальца.

¹¹ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1745. Д. 1. Л. 8–8 об.

После того как Август III выполнил эту просьбу, Елизавета Петровна сообщила ему в грамоте от 19 июля 1745 г., что приказала своему посланнику в Дрездене М.П. Бестужеву-Рюмину «наиболее обязательнейшее признание засвидетельствовать, за ту снисходительную атенцию, которая в разсуждении признания совершеннолетия моего вселюбезнейшаго племянника великаго Князя Всероссийскаго, яко владеющаго Герцога Шлезвиг Голштинскаго, от Вашего Королевскаго величества оказана и которую я не оставляю дружески-сестрински признавать, и с особливейшим высокопочитанием неотменно пребывать. Вашего Королевскаго величества верная сестра и приятельница. Елисавет»¹². Своей рукой императрица написала только имя. Обе грамоты были контрасигнированы канцлером.

Интересно, что грамота великого князя Петра Фёдоровича в качестве герцога Гольштейн-Готторпскаго от 18 июня 1745 г. с благодарностью за признание совершеннолетним была направлена Августу III на немецком языке, а не на русском с приложенным переводом. Формулы начального и заключительного протокола гласили: *Durchlauchtigster Großmächtigster König, Churfürst und Vicarius Vielgeliebtester Herr Oheim* («Пресветлейший Державнейший Король, Курфюрст и Викариус, Вселюбезнейший государь дядя») – *Ewer Königlichem Mayestät Dienstwilligster Vetter Peter* («Вашего Королевскаго Величества ко услугам готовейший племянник Пётр»).

Как отмечает Т.Н. Таценко, обращения родственного характера в немецкой императорской и княжеской переписке не следует понимать буквально: они «вовсе не были точным определением родства, а только свидетельствовали об общей принадлежности к единому княжескому сословию». К таковым относятся: «Bruder / брат», «Vetter / кузен», «Vater / отец», «Oheim / дядя», «Sohn / сын», «Schwager / деверь, шурин, зять», «Gefatter / кум», «Dother / дочь», «Mhume (Muhme) / тётка, тёща» (Таценко 2016: 476).

К примеру, пока саксонский курфюрст Фридрих Август I не имел титула польского короля, император Священной Римской империи Леопольд I (1658–1705) обращался к нему по-немецки *Durchlauchtigster, Hochgebohrner lieber Oheim und Churfürst* («Светлейший Высокородный дорогой дядя и курфюрст») и подписывался *Ewer Liebden gutwilliger Oheim* («Вашей милости готовый к услугам дядя»). Не вполне понятно, почему император, будучи по возрасту значительно старше курфюрста, выбрал обращение «дядя» для общения с ним. Вероятно, это дань традиции. Когда курфюрст стал польским королём Августом II, император Иосиф I (1705–1711) обращался к нему по-немецки и по латыни уже *Durchlauchtigster, Großmächtigster Fürst, besonders lieber Freund, Oheim, Bruder und Nachbahr / Serenissime ac Potentissime Princeps, Consanguinee, Frater & Vicine Carissime* («Светлейший, Державнейший князь, дорогой друг, дядя, брат

¹² Там же. Л. 16 об.–17.

и сосед», в латинском варианте вместо «дяди» – «сродственник») и в подписи позиционировал себя как друг, дядя, брат и сосед – *Ewer Liebden Gutwilliger Freund Oheim Bruder und Nachbahr / Serenitatis Vestrae Bonus Consanguineus Frater & Vicinus*¹³. Обращение «брат и сосед» свидетельствовало о равенстве коронованных особ.

После того как в 1763 г. курфюрсты Саксонии окончательно потеряли польский престол и королевский титул, официальными языками их переписки с Екатериной II и Павлом I оставались русский и немецкий. Российские монархи традиционно направляли курфюрстам грамоты на русском языке с приложением перевода на немецкий. В грамоте от 16 сентября 1768 г. Фридрих Август III¹⁴ извещал Екатерину II о скором наступлении своего совершеннолетия и самостоятельного правления, обратившись к ней *Allerdurchlauchtigste Großmächtigste Kayserin, Gnädigste Frau* («Всепресветлейшая Державнейшая императрица, Всемилостивейшая Государыня»), а себя рекомендовал «покорным и к услугам охотнейшим» (*gehorsam-dienstgefließenster Friedrich August*)¹⁵. В дальнейшем курфюрст использовал те же формулы начального и заключительного протоколов¹⁶. Однако российская императрица обращалась к Фридриху Августу III не только как к «светлейшему курфюрсту», но и как к «дружеско-любезному племяннику» (в переводе на немецкий *Durchlauchtigster Churfürst, freundlich geliebter Vetter*), выражая ему своё покровительство в качестве «дружеско-охотной тётки» (в переводе *Eurer Churfürstlichen Durchlaucht freundwillige Muhme Catharina*)¹⁷. В этом, как мы увидим ниже, Екатерина II следовала примеру общения Елизаветы Петровны с другими светскими курфюрстами.

Великий князь Павел Петрович в переписке с Фридрихом Августом III также использовал родственную лексику, обращаясь к нему по-русски «Светлейший Курфирст, Почтеннейший Государь Дядя» (*Durchlauchtigster Churfürst, Geehrtester Herr Oheim*) подобно Петру III в бытность его великим князем и подписываясь «Вашей Курфирстской Светлости к услугам охотный свойственник Павел» (в переводе *Eurer Churfürstlichen Durchlaucht dienstwilligster Vetter Paul*)¹⁸. Курфюрст же в своих грамотах называл и себя, и наследника российского престола словом

¹³ См. универсальный справочник канцелярского церемониала первой четверти XVIII в. европейских держав, включая Россию, Османскую империю и штаты Священной Римской империи, который составил учёный и юрист Кристиан Люниг: Lünig J. 1720. *Ch. Theatrum ceremoniale historico-politicum, oder Historisch- und politischer Schau-Platz aller Ceremonien, welche ... so wohl an europäischen Höfen als auch sonst bey vielen illustren Fällen beobachtet worden*. Leipzig: bey Moritz Georg Weidmann. Bd. 2: *Europäisches Canzley-Ceremoniel*. S. 42, 44, 57.

¹⁴ С 6 (17) декабря 1763 г. юный курфюрст находился под опекуном своего дяди принца Франца Ксавера.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 84. Сношения России с Саксонией. Оп. 1. Д. 7. Л. 14–14 об.

¹⁶ См., например, оригинал грамоты Фридриха Августа III Екатерине II от 27 апреля 1796 г. с извещением о рождении у него племянницы – принцессы Марии Фердинанды Амалии: Там же. Д. 22. Л. 16–16 об.

¹⁷ См. отпуск грамоты от 13 мая 1796 г. (и её перевод) с поздравлениями по случаю рождения принцессы Марии Фердинанды Амалии: Там же. Д. 22. Л. 19, 20.

¹⁸ См. черновик грамоты Павла Петровича от мая 1796 г. (дата не указана) и её перевод: Там же. Л. 8–9.

Vetter, которое, вероятно, должно было свидетельствовать о равенстве между ними, хотя статус курфюрста был несомненно выше статуса великого князя. Видимо поэтому Павел Петрович, будучи ровесником Фридриха Августа III, обращался к нему по традиции «дядя». Отметим также, что Коллегия иностранных дел по-разному переводила немецкое *Vetter* – то как «племянник», то как «свойственник», хотя словари дают значения «двоюродный брат» или «кузен». Когда Павел Петрович стал императором, Фридрих Август III именовал его *Allerdurchlauchtigster Großmächtigster Kaiser, Gnädigster Herr* («Всепресветлейший Державнейший император, Всемилоостивейший государь»), что соответствовало традиции общения курфюрста с Екатериной II¹⁹.

Переписка российских императоров с курфюрстами Пфальца и Баварии

В Архиве внешней политики Российской империи нам удалось найти две грамоты пфальцских курфюрстов (до объединения их владений с владениями баварских курфюрстов в 1777 г.) – Карла Филиппа императрице Анне Иоанновне от 20 марта 1732 г.²⁰ и Карла Теодора императрице Елизавете Петровне от 21 июня 1745 г.²¹. Курфюрст Карл Филипп просил Анну Иоанновну оказать покровительство его внукам, унаследовавшим от матери владения в Литве, на которые претендовали графы Сапеги. Ответ на эту грамоту пока не выявлен. Курфюрст Карл Теодор жаловался Елизавете Петровне на притеснение со стороны венского двора, разорение своих земель в ходе продолжавшейся Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг. и уповал на покровительство российской императрицы.

Обе грамоты составлены по-латыни, с кратким указанием титула российских императриц и нетипичным обращением – *Serenissima et Potentissima Imperatrix Magnae Russiae* («Пресветлейшая и Державнейшая императрица Великия России»), что объясняется отсутствием у пфальцкого двора образцов российской титулатуры. Подписывались курфюрсты собственноручно *Caesareae Maiestatis Ve[st]rae observant[issim]us et obligat[issim]us servus* («Вашего Императорского Величества покорнейший и послушнейший слуга») с указанием имени. Выбор латыни в качестве языка общения с российскими императрицами мог быть обусловлен тем, что на этом языке курфюрсты писали императорам Священной Римской империи.

Передавая в Петербург копию грамоты курфюрста Карла Теодора, российский представитель во Франкфурте-на-Майне граф Герман Карл фон Кейзерлинг обращал внимание канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина

¹⁹ См. копию грамоты от 23 декабря 1796 г. с соболезнованиями по поводу кончины Екатерины II: Там же. Л. 6–7.

²⁰ Там же. Ф. 55. Сношения России с имперскими чинами. Оп. 2. Д. 966. Л. 2–8 (оригинальная грамота и перевод на русский язык).

²¹ Там же. Д. 968. Л. 2–12 об. (оригинальная грамота и перевод на русский язык).

на то, что «латинская экспрессия “Цесарское величество” (*Cæsarea Majestas*) в российской императорской титулатуре не употребляется, но вместо того “Императорское величество” (*Imperatoria Majestas*)». Но поскольку такой титул давался императорам Священной Римской империи курфюрстами и имперскими князьями, то Кейзерлинг не счёл это выражение ошибкой и принял грамоту от пфальцского посланника как содержащую императорский титул Елизаветы Петровны, признания которого российская дипломатия всё ещё добивалась от некоторых европейских дворов²².

Императрица велела Кейзерлингу грамоту принять, «потому что на латинском языке слово цесарское ещё приличнее, нежели императорское, а когда бы в надписи и заглавии наша полная титулатура (кою вам того для и сообщить можно) написана была, то бы ещё и лутче и всякое быть могущее для передоу сумнение предупреждено нашлось бы»²³. Оригинал грамоты курфюрста Карла Теодора прибыл в Петербург в середине августа, а ответ на неё дан только через три месяца. Грамота от 11 ноября 1745 г. была отправлена по-русски с переводом на немецкий язык²⁴. Елизавета Петровна обещала «учинить представление при венском дворе, чтобы курфюрсту быть в мире с королевой Венгербогемской» – правительницей наследственных земель Австрийской монархии Марией Терезией, супругой императора Священной Римской империи Франца I, избранного на престол в сентябре 1745 г. Российская государыня обращалась к Карлу Теодору «Светлейший Курфирст, дружбно-любезный племянник» (*Durchlauchtigster Churfürst, freundlich geliebter Vetter*) и подписалась «Вашей Курфирстской светлости дружбно-охотная тётка Елисавет» (*Ewer Churfürstlichen Durchlaucht freundwillige Muhme Elisabeth*). Кейзерлинг должен был передать грамоту пфальцскому министру во Франкфурте «с приличным по содержанию оной нашим именем комплиментов и что нам с его светлостью курфирстом его государем всегда в дружбе и корреспонденции пребывать зело приятно»²⁵.

Более или менее регулярная переписка с баварским двором установилась у России после 1742 г., когда императором Священной Римской империи впервые за 200 лет был избран представитель не династии Габсбургов, а баварской династии Виттельсбахов. В составленной по латыни известительной грамоте о своём восшествии на престол от 13 февраля 1742 г. император Карл VII (баварский курфюрст Карл Альбрехт) обращался к Елизавете Петровне как к «Пресветлейшей Державнейшей Государыне Царице и Великой Княгине Елисавете всея Великия Малыя и Белыя России Самодержице и протч, приятелнице и сестре

²² Перевод письма Г.К. фон Кейзерлинга А.П. Бестужеву-Рюмину от 14 (25) июня 1745 г.: *Там же*. Ф. 83. Сношения России с имперским собранием. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 184–185.

²³ Рескрипт Г.К. фон Кейзерлингу от 6 июля 1745 г.: *Там же*. Д. 3а. Л. 141 об.–142.

²⁴ Отпуск грамоты с переводом см.: *Там же*. Ф. 55. Оп. 1. Д. 19. Л. 6–6 об., 8–9.

²⁵ *Там же*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 3а. Л. 229–229 об.

нашей любезнейшей» (*Serenissimae e potentissimae Principi, Dominae Elisabethae, Totius Magnae, Parvae, Albaeque Russiae pp., Czarae & Autocratrici, Amicae et Sorori Nostrae Charissimae*). В грамоте отсутствовал не только императорский титул Елизаветы Петровны, но и обращение «Величество» (*Majestas*), вместо которого использовалось обращение «Светлость» (*Serenitas*)²⁶, как это было принято ранее при дворе императора Карла VI Габсбурга, последовательно отказывавшего российским государям в новом титуле и скончавшегося в 1740 г.

Грамота не была принята российским двором. Поначалу Карл VII согласился добавить в текст обращение «Величество», но и в таком виде послание было возвращено отправителю²⁷. В сентябре 1742 г. в Россию приехал полномочный министр императора барон Йозеф Мария Игнац фон Нейгауз. На протяжении почти двух лет Елизавета Петровна отказывалась принимать его верительную грамоту опять-таки по причине отсутствия в документе императорского титула российской самодержицы. Так как переговоры о титуле велись в ходе Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг., а Карл VII был заинтересован в поддержке России, ему пришлось согласиться на включение титула в грамоту (Петрова 2022).

Только 4 (15) января 1744 г. Нейгауз наконец удостоился первой аудиенции Елизаветы Петровны и вручил ей кредитивную грамоту. Она была датирована 7 июня 1742 г.²⁸ В своей речи на немецком языке полномочный министр Карла VII уверял императрицу в чувствах истинной дружбы, которые к ней питает его государь²⁹. Дипломат также обратился с речью на немецком языке к великому князю Петру Фёдоровичу³⁰. В ответ А.П. Бестужев-Рюмин, тогда ещё вице-канцлер, от имени Елизаветы Петровны выразил по-русски её искреннее желание «к общей ползе обоих имперей не токмо в добром согласии пребывать, но и оное вяще и вяще наблюдать и утверждать»³¹. Ответ великого князя также зачитывался по-русски³², но кем именно, в источниках не указывалось. Заметим, что тексты речей дипломаты присылали в Коллегию иностранных дел заранее, она же готовила перевод этих текстов и ответы на русском языке с переводами. Ответы дипломаты получали по окончании аудиенции. Затем речи и ответы на них направлялись в Академию наук для публикации.

²⁶ Там же. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1742. Д. 1. Л. 2 (копия текста на латинском языке без начального и конечного протокола), 6–7 об. (перевод грамоты на русский язык с полным начальным и конечным протоколом). Оригинал возвращённой грамоты хранится в документах Имперской канцелярии в Австрийском государственном архиве. См.: *Österreichisches Staatsarchiv. Abteilung Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Reichskanzlei. Russland I. Karton 33 (1739–1745). Fasz. 1740–1742. Fol. 66–67.*

²⁷ Оригинал грамоты см.: *Ibid.* Fol. 89–90 v.

²⁸ Копия грамоты на латинском языке и её перевод: *АВПРИ*. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 40, 43–44.

²⁹ Текст речи на русском и немецком языках: Там же. Оп. 1. 1744. Д. 5. Л. 9–10 об.

³⁰ Текст речи на русском и немецком языках: Там же. Л. 5–6.

³¹ Ответ императрицы Елизаветы Петровны на русском и немецком языках: Там же. Л. 11.

³² Ответ великого князя Петра Фёдоровича на русском и немецком языках: Там же. Л. 12.

9 (20) января 1745 г. Карл VII скоропостижно скончался. Нейгаузу предстояло официально уведомить российский двор об этом событии и пройти процедуру аккредитации теперь уже от имени своего нового государя – сына покойного императора, курфюрста Баварии Максимилиана III Иосифа. Грамота от 21 января 1745 г. с печальным известием пришла в Петербург в конце марта, она также содержала решение курфюрста оставить Нейгауза полномочным министром при российском дворе, т. е. была одновременно грамотой верительной.

По обычаю, дипломат предварительно вручил канцлеру А.П. Бестужев-Рюмину копию документа, но тот более трёх недель не мог получить доступ к Елизавете Петровне, из-за того, что она держала великий пост. Ознакомившись с копией, она велела грамоту вернуть – вновь из-за имевшихся неточностей в начальном и конечном протоколе. Составленная на латинском языке грамота начиналась с обращения *Serenissima & Potentissima Imperatrix ac Domina et Amica Observandissima* («Пресветлейшая и Державнейшая императрица, Государыня и приятельница высокопочтеннейшая»), но дальше по тексту курфюрст именовал её только «Вашим величеством» без определения «императорское», упомянув, правда, один раз «Ваш императорский дом», и подписался кратко *ad Obsequia paratissimus* («к услугам готовейший»)³³. Претензии императрицы вызвал и выбор латинского языка.

На встрече с Нейгаузом 11(22) апреля 1745 г. канцлер А.П. Бестужев-Рюмин попросил составить новую грамоту на немецком языке, указав, что латынь является языком общения российского двора исключительно с императорами Священной Римской империи, а с курфюрстами переписка обычно ведётся по-немецки. Как мы видели, это не совсем так, грамоты пфальцских курфюрстов 1732 и 1745 гг. были составлены на латыни и их не просили переделывать. Кроме того, как раз в апреле 1745 г. Коллегия иностранных дел готовила кредитивную грамоту для Г.К. фон Кейзерлинга, направлявшегося во Франкфурт-на-Майне, где для избрания нового императора должно было состояться заседание Коллегии курфюрстов – одной из трёх, входивших в состав рейхстага Священной Римской империи. Кредитивная грамота от 9 апреля 1745 г., составленная по обычаю на русском языке, сопровождалась переводом на латинский язык³⁴. Впоследствии перевод на латынь будет приложен и к кредитивной грамоте Кейзерлинга от 23 сентября 1745 г., адресованной рейхстагу Священной Римской империи³⁵. При этом рекредитивная грамота для Кейзерлинга от 6 октября 1745 г., направленная Коллегией курфюрстов Елизавете Петровне, была составлена на немецком языке³⁶, а рекредитивная грамота рейхстага от 16 декабря 1746 г. – на латыни³⁷ (Петрова 2021).

³³ Её копию на латинском языке и перевод на немецкий язык см.: Там же. Ф. 37. Сношения России с Баварией. Оп. 5. Д. 2. Л. 10–10 об., 12–13.

³⁴ Отпуск грамоты с переводом см.: Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 1. Л. 1–2, 3–3 об.

³⁵ Черновики грамоты на русском и латинском языках: Там же. Л. 12–12 об., 14.

³⁶ Там же. Оп. 1. 1745. Д. 2. Л. 1–4 об.

³⁷ Оригинал грамоты и перевод см.: Там же. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1133. Л. 2–3 об., 4–6 об.

Как выяснил Нейгауз, причина нежелания принимать грамоты на латинском языке заключалась в том, что по сложившейся традиции Коллегии иностранных дел приходилось все грамоты российских монархов переводить на иностранные языки, для чего требовались квалифицированные люди и средства на оплату их труда³⁸. Переводчиков с немецкого было найти легче, хотя бы потому, что в российском внешнеполитическом ведомстве служили как подданные германских государств, так и немецкоговорящие выходцы из прибалтийских губерний (Петрова 2023b).

Что касается самих формул начального и конечного протоколов грамоты, то главное возражение Елизаветы Петровны вызвало обращение курфюрста Максимилиана III Иосифа к ней как «приятельнице», т. е. как к равной, что могли позволить себе только суверенные государи. Бестужев-Рюмин дал понять, что в грамоте не должно быть слов «приятельница» или «сестра» и передал Нейгаузу копии двух грамот саксонского курфюрста Фридриха Августа II от 4 (см. о ней выше) и 28 февраля 1733 г. императрице Анне Иоанновне ещё до своего провозглашения королём Польши³⁹. В обоих документах императрица была названа «Высокопочтеннейшей Государыней» (*Hochgeehrteste Frau*), а сам курфюрст подписался «служебно-охотнейший верно-обязательной слуга» (*Dienstwilligster treu verbundener Diener*)⁴⁰. Таким образом подчёркивалась разница в статусе между императрицей и курфюрстом.

Нейгауз заявил, что его государь не может ориентироваться только на грамоты саксонских курфюрстов. Тогда 19(30) апреля 1745 г. Бестужев-Рюмин передал ему копию грамоты ганноверского курфюрста Георга Людвига от 9 июня 1714 г. (за два месяца до провозглашения его британским королём), в которой тот обращался к «пресветлейшему и державнейшему царю и великому князю» Петру I как к «дружбно-любезнейшему и высокопочтеннейшему дяде» (*freundlich-vielgeliebter und hochgeehrtester Herr Oheimb*), выступая в качестве к «услугам готовейшего племянника и слуги» (*dienst-willigster Vetter und Diener*)⁴¹. Таким образом в 1740-е гг. Vetter однозначно переводили как племянник. Канцлер сказал Нейгаузу, что Максимилиан III Иосиф может выбрать любой из двух вариантов начального и конечного протокола грамоты⁴².

Дипломат вынужден был запросить у курфюрста новые грамоты. Тот, очевидно, взял паузу, чтобы выбрать один из предложенных вариантов. Пока же юный Максимилиан III Иосиф решил написать Елизавете Петровне что-то

³⁸ Перлюстрированная копия реляции Й.М. фон Нейгауза от 13 (24) апреля 1745 г.: Там же. Ф. 6. Секретнейшие дела (Перлюстрации). Оп. 1. Д. 61. Л. 50–50 об.

³⁹ Записка о встрече Й.М. фон Нейгауза с канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым и вице-канцлером М.И. Воронцовым 11 апреля 1745 г.: Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 3. Л. 16–17.

⁴⁰ Там же. Л. 18–19 об., 33–33 об.

⁴¹ Там же. Л. 28–29.

⁴² Записка о встрече Й.М. фон Нейгауза с канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым и вице-канцлером М.И. Воронцовым 19 апреля 1745 г.: Там же. Л. 26–27.

вроде личного письма (хотя в документах Коллегии иностранных дел оно и названо грамотой) под предлогом того, что до него дошли слухи о её сочувствии к постигшей его невосполнимой утрате. Письмо было составлено собственноручно 1 мая по новому стилю 1745 г. на французском языке и начиналось с обращения *Madame*, а заканчивалось *de Votre Majesté Imperiale très obeissant et vrai serviteur Max[imilian] Joseph* («Вашего императорского величества покорнейший и верный слуга Макс[имилиан] Иосиф»)⁴³. Елизавета Петровна ответила на это письмо лишь после того, как на так называемой приватной аудиенции от 30 октября (10 ноября) 1745 г. барон Нейгауз вручил ей официальную грамоту курфюрста, составленную на немецком языке и датированную 20 января 1745 г. – днём смерти императора Карла VII. Грамота одновременно была верительной для Нейгауза.

По примеру ганноверского курфюрста Максимилиан III Иосиф предпочёл обратиться к российской императрице по-родственному как к «высокопочтеннейшей государыне тётке» (*Hochgeehrteste Frau Muhme*), а сам именовался «служебно-охотнейшим племянником и слугой» (*Dienstwilligster Vetter und Diener*)⁴⁴. Коллегия подготовила от имени Елизаветы Петровны две грамоты «к Его Курфирстской Светлости». Официальная грамота от 31 октября была составлена на русском языке с приложением перевода на немецкий и являлась ответом на верительную грамоту Нейгауза, которая одновременно содержала известие о смерти Карла VII. Императрица обращалась к Максимилиану Иосифу «Светлейший Курфирст, дружелюбно-любезный племянник» (*Durchlauchtigster Churfürst, freundlich-geliebter Vetter*) и именовалась «дружелюбно-любезной теткой» (*freundwillige Muhme*). Помета Коллегии иностранных дел на копии документа гласила: «Писана та грамота на голанской меньшей бумаге ровно против присланной от него курфирста Баварского, на которой края со всех сторон чернилами очернены. Сложена и запечатана без коверта государственною среднею печатью под кустодиею бумажною на черном воску, как приложенной при сем во всем формат показывает»⁴⁵. Вторая грамота Елизаветы Петровны, датированная 2 ноября, была ответом на письмо курфюрста на французском языке от 1 мая 1745 г. и содержала всего лишь несколько строк. Она тоже была составлена по-русски с приложением перевода на немецкий язык, но начиналась с обращения «мой господин» (в переводе – *Monsieur*, на французский манер, как ответ на *Madame*), хотя в подписи Елизавета снова называла себя «дружелюбно-любезной теткой» (*freundwillige Muhme*). Помета Коллегии иностранных дел гласила: «Писана та грамота на малой почтовой бумаге сложена в четверо и

⁴³ Оригинал письма и перевод: Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–2 об., 4–4 об.

⁴⁴ Грамота курфюрста Максимилиана III Иосифа Елизавете Петровне от 20 января 1745 г. на немецком языке и её перевод на русский язык: Там же. Д. 1. Л. 1–2 об., 3–4 об.

⁴⁵ Копия грамоты и черновик перевода: Там же. Оп. 5. Д. 6. Л. 1–3 об.

запечатана в обыкновенном коверте, как рескрипты печатают черным сургучом»⁴⁶. Таким образом оба послания российской императрицы даже выглядели по-разному.

Вручив официальную грамоту Максимилиана Иосифа III на аудиенции 30 октября (10 ноября) 1745 г., Нейгауз произнёс три речи: Елизавете Петровне, великому князю Петру Фёдоровичу и его молодой супруге великой княгине Екатерине Алексеевне. Все речи были составлены по-немецки. Целью их было официально передать российскому двору известие о безвременной кончине Карла VII и выразить надежду, что императрица и российский императорский дом продолжат поддерживать дружбу и доброе согласие с новым курфюрстом Баварии, установленные при жизни его отца. Ответ от имени императрицы прозвучал из уст канцлера Бестужева-Рюмина по-русски. Ответы великого князя и великой княгини зачитал камергер двора Екатерины Алексеевны князь Александр Михайлович Голицын, будущий фельдмаршал. Примечательно, что ответы молодой пары были составлены по-французски, хотя год назад ответ Петра Фёдоровича Нейгаузу на первой аудиенции дипломата зачитывался по-немецки⁴⁷. Причины, по которым было решено, что молодой двор будет отвечать по-французски, в источниках не указаны. От всех членов императорского дома Нейгауз получил уверения в высочайшем расположении к его государю.

В 1746 г. Нейгауз был отозван из России: Бавария больше не видела необходимости содержать в Петербурге министра, да и Елизавета Петровна считала нецелесообразным пребывание представителей некоронованных курфюрстов при её дворе⁴⁸. Только в 1787 г., уже при императрице Екатерине II, стороны обменялись постоянными дипломатическими представителями. За 40 лет языки общения между Петербургом и Мюнхеном не изменились. Верительная грамота для российского полномочного министра Христофора Ивановича Петерсона от 4 апреля 1787 г. была составлена по-русски с переводом на немецкий язык⁴⁹, для баварского министра барона Антона Вильгельма фон Викинбурга от 4 июня 1787 г. – по-немецки⁵⁰. Сохранялось и неравенство между российскими императорами и баварскими курфюрстами. Екатерина II назвалась «дружеско-охотной тёткой», а курфюрста Карла Теодора, объединившего в 1777 г. земли Баварии и Пфальца, именовала «дружеско-любезнейшим племянником». Курфюрст обращался к российской императрице как к «высокопочтеннейшей государыне тётке», а рекомендовал себя «служеско-охотнейшим племянником и слугой».

⁴⁶ Там же. Д. 7. Л. 2–Зоб.

⁴⁷ Тексты всех речей: Там же. Д. 3. Л. 66–77.

⁴⁸ Оригинал отзывной грамоты от 10 июня 1746 г. на немецком языке и её перевод на русский язык см.: Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–5 об.

⁴⁹ Там же. Оп. 5. Д. 46. Л. 12–12 об.

⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

Однако речи на первой аудиенции, адресованные Екатерине II, великому князю Павлу Петровичу, великой княгине Марии Фёдоровне и их сыновьям Александру и Константину, барон Викенбург произносил по-французски. По сравнению с витиеватыми речами Нейгауза они были гораздо короче⁵¹. На последней аудиенции в декабре 1797 г. Викенбург также выступил с речами на французском языке, адресованными всем находившимся в то время в Петербурге членам императорской семьи: Павлу I и Марии Фёдоровне, великому князю Александру Павловичу и его супруге великой княгине Елизавете Алексеевне, великому князю Константину Павловичу и его супруге великой княгине Анне Фёдоровне, великим княжнам Александре Павловне, Марии Павловне, Елене Павловне и Екатерине Павловне⁵². К сожалению, в архиве Коллегии иностранных дел не сохранились речи российского посланника в Мюнхене Петерсона.

Письменное общение Павла I и баварского курфюрста Карла Теодора тоже строилось в терминах родства. Однако курфюрст называл императора *Hochgeehrtester Herr Vetter*, что в данном случае следует переводить «Высокопочтеннейший Государь кузен» или «двоюродный брат» (перевод, сделанный в Коллегии иностранных дел, в архивном деле отсутствует), а сам подписывался *Dienstwilliger Vetter und Diener* («служебно-охотный кузен и слуга»)⁵³. По нашим сведениям, российский двор не выказывал недовольства по поводу претензий курфюрста на равенство с императором, выражавшееся в использовании *Vetter* и для получателя, и для отправителя, поскольку в заключительном протоколе Карл Теодор называл себя слугой, готовым оказать услугу выше стоявшему по статусу. Павел I продолжил традицию своих предшественников и называл курфюрста «дружеско-любезным племянником», а себя «дружеско-охотным дядей», о чём свидетельствуют русские тексты его грамот и сделанные к ним переводы⁵⁴.

Переписка российских императоров с духовными курфюрстами Священной Римской империи

Выявленная нами в АВПРИ переписка российского двора с духовными курфюрстами – архиепископами Майнца, Кёльна и Трира – невелика по объёму и относится к царствованию Екатерины II и Павла I. Стимулом к налаживанию прямых контактов стало создание в 1781 г. постоянной дипломатической миссии России во Франкфурте-на-Майне, к ведению которой относились государства Верхне- и Нижнерейнского, Вестфальского, Швабского и Франконского

⁵¹ Там же. Л. 7–11.

⁵² Там же. Д. 17. Л. 14–33 об.

⁵³ См., например, отзывную грамоту курфюрста Карла Теодора для барона Викенбурга от 6 декабря 1797 г.: Там же. Л. 9.

⁵⁴ См., например, грамоту от 3 июля 1797 г.: Там же. Л. 4–5 об.

округов Священной Римской империи, в том числе духовные курфюршества (Трачевский 1877: 57–73).

Языками официальной переписки российского двора с Майнцем, Кёльном и Триром были русский и немецкий, но общение с духовными курфюрстами строилось несколько иначе, чем со светскими: в нём почти отсутствовал родственный компонент. К примеру, в верительных грамотах Екатерины II для посланника во Франкфурте графа Николая Петровича Румянцева, адресованных курфюрстам Майнца и Кёльна, императрица обращалась к обоим «Высокопочтеннейший, высокородный курфюрст» (в переводе на немецкий *Hochwürdigster, Hochwohlgebohrner Churfürst*), сама же именовалась «Вашей Любви дружесноохотная Екатерина» (*Eurer Liebden Freundwillige Catharina*)⁵⁵.

Выражая благодарность Екатерине II за отправление к его двору Н.П. Румянцева в грамоте от 10 ноября 1782 г., курфюрст Кёльна Максимилиан Фридрих обращался к ней *Durchlauchtigste Großmächtigste Frau und Fürstin, besonders liebe Frau und Freundin*. Перевод на русский язык в архивном деле отсутствует, поэтому по аналогии с более ранними документами это можно перевести как «Пресветлейшая Державнейшая Государыня и Княгиня, особо любезная Государыня и Приятельница». Никаких возражений по поводу употребления слова «приятельница» от российского двора не поступало. В обращении отсутствовал императорский титул, однако он повторялся в тексте грамоты, а в собственноручной подписи курфюрст именовал себя *Ewer Kayserlichen Mayestät Dienstwilligster allzeit* («Вашего Императорского Величества всегда служесноохотнейший») ⁵⁶. Такие же формулы начального и заключительного протокола мы наблюдаем в грамоте следующего курфюрста Кёльна Максимилиана Франца от 28 апреля 1784 г., сообщавшего Екатерине II о кончине предшественника и своём вступлении в сан архиепископа⁵⁷, и в грамоте курфюрста Майнца Фридриха Карла фон Эртеля от 6 июня 1787 г. о возведении в коадьюторы⁵⁸ Карла Теодора Дальберга⁵⁹.

Выражая в грамоте от 28 июля 1784 г. сожаление по поводу кончины курфюрста Кёльна Максимилиана Фридриха и поздравляя нового курфюрста Максимилиана Франца с принятием сана и началом управления подвластными ему территориями, Екатерина II обратилась к нему не так, как к его предшественнику или к курфюрсту Майнца. В грамоте появился родственный контекст: «Высокопочтеннейше-Светлейший Курфирст, дружеснолюбезный свойственник» (*Höchstwürdigst Durchlauchtigster Churfürst, Freundlichgeliebter Vetter*), но

⁵⁵ См. не датированные копии грамот за 1781 г. с переводом на немецкий язык: Там же. Ф. 55. Оп. 7. Д. 488. Л. 3–6 об.; Д. 492. Л. 2–5 об.

⁵⁶ Там же. Д. 488. Л. 9–9 об.

⁵⁷ Там же. Л. 12–12 об.

⁵⁸ Помощник архиепископа.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 55. Оп. 7. Д. 492. Л. 6–6 об.

не племянник, как было бы при Елизавете Петровне. В переводе грамоты на немецкий по-прежнему использовалось слово *Vetter*. Подписалась же императрица «дружбно-охотной тёткой» (*Eurer Durchlaucht und Liebden freundwillige Muhme*); более того, грамота содержит заверение: «В прочем с дружбно-тёткинским доброжелательством и императорским благоволением к Вашей Светлости и Любви пребываем склонными к оказанию всех приятных угодностей»⁶⁰.

Причина изменений в начальном и финальном протоколе грамот заключается, вероятно, в том, что новый курфюрст Кёльна Максимилиан Франц был родным братом императора Священной Римской империи Иосифа II, с которым Екатерина находилась в союзе с 1781 г., а родной племянник императора и курфюрста, эрцгерцог Франц, был женихом принцессы Вюртембергской Елизаветы, которая приходилась сестрой великой княгине Марии Фёдоровне, супруге сына и наследника российской императрицы великого князя Павла Петровича. И эти неформальные связи позволяли Екатерине II писать к курфюрсту Кёльна как к родственнику. Правда, в начальном и финальном протоколах его грамот к российскому двору никаких изменений не произошло.

В отличие от курфюрстов Майнца и Кёльна курфюрст Трира Клеменс Венцель, представитель саксонского дома, в одной из немногочисленных грамот, от 20 августа 1796 г., поздравляя Екатерину II с рождением третьего внука, великого князя Николая Павловича, обращался к ней *Allerdurchlauchtigste Großmächtigste Kayserin, Gnädigste Frau* («Всепресветлейшая Державнейшая императрица, Всемиловитейшая Государыня»), рекомендовав себя к услугам готовейшим курфюрстом и слугой (*Dienstwilligster Kurfürst und Diener*)⁶¹.

Когда на престол вступил Павел I, курфюрст Кёльна Максимилиан Франц писал ему так же, как и Екатерине II, не используя в обращении слово «император», – *Durchlauchtigst-Großmächtigster Herr und Fürst, Besonders Lieber Herr und Freund* («Пресветлейший Державнейший Государь и Князь, особо любезный Государь и Приятель»)⁶². Курфюрст Майнца в своих грамотах в первой части обращения вместо слова «государь» использовал слово «император» (*Kaiser*)⁶³. Как к «пресветлейшему и державнейшему государю и императору, всемиловитейшему государю» (*Durchlauchtigst-Großmächtigster Kaiser! Gnädigster Herr!*) обращается к Павлу I трирский курфюрст Клеменс Венцель в грамоте от 11 июля 1799 г.⁶⁴. Подписи духовных курфюрстов остались прежними – *Euer Kaiserlichen Majestät Dienstwilligster*, или *Dienstwilligster Kurfürst*, или *Dienstbereitwilligster allezeit*

⁶⁰ Отпуск грамоты с переводом см.: Там же. Д. 488. Л. 13–15.

⁶¹ Оригинал грамоты см.: Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 22. Л. 39.

⁶² См. грамоту Максимилиана Франца от 6 июля 1799 г. с поздравлением по случаю рождения у Павла I внучки – великой княжны Марии Александровны: Там же. Ф. 55. Оп. 7. Д. 488. Л. 32–33.

⁶³ См. грамоту курфюрста Майнца Фридриха Карла от 9 мая 1797 г. Павлу I с просьбой защитить его интересы при заключении прелиминарного мира с Францией: Там же. Д. 492. Л. 16–17.

⁶⁴ Там же. Л. 23–24.

(«Вашего Императорского Величества всегда служебно-охотнейший»). Подобно своей матери, Павел I общался в категориях родства (дядя – свойственник / Oheimb – Vetter) только с курфюрстом Кёльна Максимилианом Францем⁶⁵.

Заключение

Важное наблюдение, сделанное в ходе работы с источниками, касается адресатов известительных (нотификационных) грамот российских императоров о восшествии на престол. Обычно такие грамоты являлись одновременно верительными, так как направлялись монархам, правительствам и учреждениям, при которых действовали российские дипломатические представители, чьи полномочия нужно было заново утвердить. К примеру, адресатами грамот Екатерины II от 30 июня 1762 г. были не только император и рейхстаг Священной Римской империи, правительница Австрийской монархии Мария Терезия, французский, польский, испанский и прусский короли, Генеральные штаты Республики Соединённых провинций, но и магистраты Гданьска, Гамбурга, Любека и Бремена, так как с начала XVIII в. Россия имела в этих городах своих дипломатических представителей. Кроме того, в Вену к императору Священной Римской империи и в Константинополь к султану Османской империи были направлены чрезвычайные посланники для вручения особых грамот о восшествии Екатерины II на престол. Однако в списке адресатов известительных грамот императрицы, помимо её брата «владеющего князя» Ангальт-Цербстского, значились неаполитанский и сардинский короли, великий магистр Мальтийского ордена и Сенат Венецианской Республики, с которыми, как и с некоронованными курфюрстами Священной Римской империи, Россия в то время не имела постоянных дипломатических отношений. Составление известительных грамот для правителей Средиземноморья было призвано подчеркнуть заинтересованность Екатерины II в сотрудничестве с ними. Отсутствие в списке некоронованных курфюрстов свидетельствует об их более низком статусе в европейской иерархии. Для сравнения чрезвычайные миссии о вступлении Павла I «на всероссийский наследственный императорский престол» были направлены только императору Священной Римской империи и прусскому королю, а также троим родственникам российского монарха: его тестю – владельческому герцогу Вюртембергскому, двоюродному дяде – князю-епископу Любека и супруге брата Екатерины II – вдовствующей княгине Ангальт-Цербстской.

Как удалось установить в ходе исследования, формальная характеристика, которой является язык, может дать представление об уровнях отношений между государями. Различие в статусе между коронованными и некоронованными курфюрстами проявлялось даже в обращении отправителя к получателю

⁶⁵ Там же. Д. 488. Л. 34.

и в заключительной формуле вежливости. Отношения российских императоров и светских курфюрстов, не имевших королевского титула, были выстроены преимущественно в родственных категориях дядя (тётя) / племянник (свойственник), категории брат/сестра, принятые в переписке с суверенными государями, не допускались, что дополнительно подчёркивало неравенство контрагентов. Подчинённость, заложенная в общении с духовными курфюрстами, отражалась главным образом в заключительном протоколе грамот: курфюрсты называли себя «служебно-охотнейшими», т. е. готовыми оказать услугу выше стоявшему по положению; «дружеско-охотные» российские монархи лишь выражали расположение.

Рассмотренные источники отчасти подтверждают высказываемое ранее в историографии наблюдение, что французский язык мог служить средством неформального общения, стиравшим в некоторой степени социальные границы и уравнивавшим выше- и нижестоящих по статусу правителей. При этом вплоть до конца XVIII в. немецкий язык оставался основным языком официального общения между Россией и курфюрстами Священной Римской империи, а формулы начального и конечного протокола грамот почти не изменились. Французский язык вытеснил немецкий только из официальных речей дипломатов и ответных, составленных от имени членов монарших семей. Латынь оставалась языком общения российских императоров с императорами и рейхстагом Священной Римской империи вплоть до её распада в 1806 г.

Об авторе:

Мария Александровна Петрова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «ВШЭ». 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д.21/4, стр. 3. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 22-48-04402 «Языки российской дипломатии XVIII века в европейском контексте».

UDC: 94(47:430)"1725/1799":327:81'26

Received: February 14, 2024

Accepted: May 31, 2024

Languages of Written and Oral Communication between Russian Emperors and Electors of the Holy Roman Empire, 1725–1799

 M.A. Petrova[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-112-138](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-112-138)

National Research University "Higher School of Economics"

Abstract: This article, based on unpublished materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, represents the first historiographical analysis of the languages used in official correspondence — such as letters of credence, recall, and notifications — between the secular and ecclesiastical electors of the Holy Roman Empire and Russian emperors during the 18th century. Employing the methodological framework of diplomatics, an auxiliary historical discipline, the author utilizes formulaic analysis to examine the mandatory expressions and formulas in the opening and closing protocols of these letters. These linguistic conventions provide insights into the social status of both sender and recipient, reflecting the hierarchical nature of diplomatic relationships.

The article contributes to the growing interest in early modern diplomatic languages, a field that has gained traction in recent foreign historiography, particularly in studies of negotiation practices at international congresses. Archival research reveals distinct patterns in the linguistic practices of the electors. Saxon electors corresponded with Russian emperors in German, while the electors of the Palatinate and Bavaria initially used Latin before transitioning to German in the mid-18th century. Ecclesiastical electors—the archbishops of Mainz, Trier, and Cologne—also wrote in German. On rare occasions, French was used. Conversely, Russian monarchs adhered to tradition, drafting official correspondence in Russian with German translations attached.

The article concludes that the choice of language serves as a formal indicator of the nature of relationships between rulers, highlighting the distinction between sovereign monarchs and electors, who, *de jure*, remained vassals. This hierarchical disparity is further reflected in the use of kinship terms within the correspondence. For example, Russian emperors addressed secular electors not as "brothers" or "sisters" — terms typically reserved for sovereign equals — but as "uncles," "aunts," or, later, "in-laws" (occasionally "cousins"). These designations underscored the unequal status of the correspondents.

Additionally, the correspondence sheds light on the process by which the influential Estates of the Holy Roman Empire recognized the imperial title of the Russian monarchs. By analyzing the linguistic and formal characteristics of these letters, the study provides new insights into the social and political dynamics of 18th-century diplomacy.

Keywords: eighteenth century diplomacy, Holy Roman Empire, protocol and formulae of official letters, German language, French language, Latin, sovereignty, epistolary etiquette

About the author:

Maria A. Petrova – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the School of History, Faculty of Humanities of the National Research University “Higher School of Economics”. 105066, Russia, Moscow, Staraya Basmannaya 21/4, building 3.
E-mail: maria.petrova@bk.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements

This article was prepared as part of the project “Languages of Eighteenth-Century Russian Diplomacy in a European Context”, supported by the Russian Scientific Fund (№ 22-48-04402).

References:

- Bély L. 2017. L'usage diplomatique de la langue française, instrument de la puissance? *Linguistic and Cultural Foreign Policies of European States 18th–20th Centuries*. Eds. K. Sanchez-Summerer, W. Frijhoff. Amsterdam: AUP. P. 157–178. (In French). DOI: 10.2307/j.ctt1s476sk.10
- Braun G. 2010. *La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières. 1643–1756*. München: Oldenbourg Verlag. 911 p. (In French)
- Couto D. et Péquignot St., dir. 2017. *Les langues de la négociation: Approches historiennes*. Renne: Presse universitaire. 288 p. (In French)
- Duchhardt H. und Espenhorst M., hrsg. 2012. *Frieden übersetzen in der Vormoderne. Translationsleistungen in Diplomatie, Medien und Wissenschaft*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 286 S. DOI: 10.13109/9783666101144 (In German)
- Gerstenberg A., hrsg. 2014. *Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress. Historische und sprachwissenschaftliche Zugänge*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau. 298 p. (In German)
- Hochedlinger M. 2009. *Aktenkunde: Urkunden- und Aktenlehre der Neuzeit*. Wien: Böhlau. 292 S. (In German)
- Matzke J. 2011. *Gesandtschaftswesen und diplomatischer Dienst Sachsens 1694–1763*, Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. 463 S. (In German)
- Offord D., Rjéoutski V., Argent G. 2018. *French Language in Russia: A Social, Political, Cultural and Literary History*. Amsterdam: AUP. DOI: 10.1515/9789048532766
- Penzholz G., Schmidt-Rösler A. 2014. Die Sprachen des Friedens – eine statistische Annäherung. *Sprache. Macht. Frieden. Augsburger Beiträge zur Historischen Friedens- und Konfliktforschung (Documenta Augustana Pacis Bd. 1)*. Hrsg. von J. Burkhardt, K.P. Jankrift, W.E.J. Weber. Augsburg: Wißner-Verlag. S. 309–320. (In German)
- Rjéoutski V., Argent G., Offord D., eds. 2014. *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language*. Oxford: Peter Lang. 498 p.
- Rjéoutski V., Frijhoff W., eds. 2018. *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*. Amsterdam: AUP. 234 p.
- Schmidt-Rösler A. 2013. Die ‘Sprachen des Friedens’. Theoretischer Diskurs und statistische Wirklichkeit. *Utrecht – Rastatt – Baden 1712–1714. Ein europäisches Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwigs XIV (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz 98)*. Hrsg. von H. Duchhardt und M. Espenhorst. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 235–259. (In German)

Schmidt-Rösler A. 2013a. 'Uneinigkeit der Zungen' und 'Zwietracht der Gemüther'. Aspekte von Sprache, Sprachwahl und Kommunikation frühneuzeitlicher Diplomatie. *Unwissen und Missverständnisse im vormodernen Friedensprozess (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz 94)*. Hrsg. von M. Espenhorst. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 167–202. (In German)

Steppan Ch. 2016. *Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730)*. Göttingen: V&R Unipress. 492 S. (In German)

Stollberg-Rilinger B. 2002. Honores regii: Die Königswürde im zeremoniellen Zeichensystem der Frühen Neuzeit. *Dreihundert Jahre Preußische Krönung. Eine Tagungsdokumentation*. Hrsg. von J. Kunisch. Berlin: Duncker & Humblot. S. 1–26. (In German)

Strien-Chardonneau M. van, Kok Escalle M.-Ch., eds. 2016. *French as Language of Intimacy in the Modern Age*. Amsterdam: AUP. 210 p.

Anisimov M.Yu. 2020. *Rossiya v sisteme velikikh derzhav v tsarstvovanie Elizavety Petrovny (1741–1761 gg.)* [Russia in the System of Great Powers during the Reign of Elisabeth Petrovna (1741–1761)]. Moscow: Tovariishchestvo nauchnykh izdaniy KMK. 457 p. (In Russian)

Bantysh-Kamenskiy N.N. 1896. *Obzor vneshnikh snosheniy Rossii (po 1800 god)* [Review of the Russian Foreign Relations till 1800]: V 4-kh chastyakh. Vol. 2: Germaniya i Italiya. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 273 p. (In Russian)

Belyaev M.P. 2022. Yazykovye problemy i problemy perevoda na Vestfal'skom mirnom kongresse [Language and Translation Problems at the Westphalia Peace Congress]. *Srednie veka*. 83(2). P. 50–65. DOI: 10.7868/S0131878022020039 (In Russian)

Bolotina N.Yu. 2013. Gramoty imperatora Svyashchennoy Rimskoy imperii Karla VI russkomu tsaryu Petru I v sobranii RGADA [Letters (gramoty) of the Emperor of the Holy Roman Empire Karl VI to the Russian Tsar Peter I in the collection of RGADA]. *Vestnik arkhivista*. 3(123). June – September. P. 244–260. (In Russian)

Bolotina N.Yu. 2022. Gramoty angliyskikh monarkhov Petru I v sobranii Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov [Letters of English monarchs to Peter I in the collection of the Russian State Archive of Ancient Documents]. *Rossiya i Velikobritaniya: pyat' vekov kul'turnykh svyazey. Materialy VI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa* [Russia and Great Britain: Five Centuries of Cultural Connections. Proceedings of the VI International Peter the Great Congress]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom. P. 715–723. (In Russian)

Gus'kov A.G. 2007. Istochniki Velikogo posol'stva 1697–1698 gg.: gramoty [Sources of the Great Embassy 1697–1698: Official Letters]. *Svyaz' vekov: Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii do 1917 goda. Pamyati professora A.A. Preobrazhenskogo: sbornik statey* [Connection of Centuries: Source Studies on the History of Russia before 1917. In Memoriam of Professor A.A. Preobrazhenskiy: collection of essays]. Ed. A.V. Semenova. Moscow: IRI RAN. P. 208–240.

Kardanova N.B. 2013. *Diplomaticheskie poslaniya Petra Velikogo dozhnam Venetsianskoy respubliki: tematika, zhanr, stil', epistolyarnyy etiket* [Diplomatic Letters of Peter the Great to the Doges of the Venetian Republic: Subject, Genre, Style, Epistolary Etiquette]. Moscow: INDRIK. 448 p.

Kashtanov S.M. 1988. *Russkaya diplomatika* [Russian Diplomats]. Moscow: Vysshaya shkola. 231 p. (In Russian)

Khavanova O.V. 2022. Rozhdenie ertsgerstsga Iosifa i simbolicheskaya diplomatiya venskogo dvora v 1741 g. [The Birth of Archduke Joseph and the Symbolic Diplomacy of the Vienna Court in 1741]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences]. №5. P. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X0022079-9 (In Russian)

Khavanova O.V. 2023. «Druzhebnye obyazatel'stva» Sankt-Peterburga i Veny: obmen gramotami i posol'stvami nakanune i v gody Semiletney voyny ["Friendly Commitments" of St. Petersburg and Vienna: Exchange of Letters and Embassies on the Eve and During the Seven Years' War]. *Rossiya v global'nom konflikte XVIII veka: Semiletnyaya voyna (1756–1763) i rossiyskoe obshchestvo* [Russia in the Global Conflict of the 18th Century: the Seven Years' War (1756–1763) and Russian Society]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 144–162. (In Russian)

Larina Ya. 2023. Rossiysko-shvedskaya diplomaticheskaya kommunikatsiya v petrovskoe vremya: khronika vybora rabochego yazyka [Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: the Chronicle of Language Choice]. *Quaestio Rossica*. 11(4). P. 1196–1214. DOI: 10.15826/qr.2023.4.842 (In Russian)

Offord D., Rzhetskiy V., Ardzhent G. 2022. *Frantsuzskiy yazyk v Rossii: Sotsial'naya, politicheskaya, kul'turnaya i literaturnaya istoriya* [French Language in Russia: a Social, Political, Cultural and Literary History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 888 p. (In Russian)

Petrova 2021. German Karl von Keyserlingk i priznanie imperatorskogo titula rossiyskikh gosudarey Svyashchennoy Rimskoy imperiiy germanskoy natsii v 1745–1746 gg. [Hermann Karl von Keyserlingk and the Recognition of the Russian Imperial title by the Holy Roman Empire in 1745–1746]. *MGIMO Review of International Relations*. 14(6). P. 89–109. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-6-81-89-109 (In Russian)

Petrova M.A. 2022. Priznanie imperatorskogo titula rossiyskikh gosudarey Svyashchennoy Rimskoy imperiiy: problema i puti ee resheniya (pervaya polovina 1740-kh godov) [The Recognition of the Imperial title of Russian Sovereigns by the Holy Roman Empire: the Problem and its Solutions (First Half of the 1740s)]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. №6. P. 43–59. DOI: 10.31857/S013038640021151-4 (In Russian)

Petrova M.A. 2023a. Legitimitsiya velikogo knyazya Petra Fedorovicha kak gertsoga Gol'shteyn-Gottorpskogo v Svyashchennoy Rimskoy imperii [Legitimation of Grand Duke Peter Fedorovich as Duke of Holstein-Gottorp in the Holy Roman Empire]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 67(6). P. 34–48. DOI: 10.31857/S013038640026774-9 (In Russian)

Petrova M.A. 2023b. Yazykovye praktiki rossiyskikh diplomatov inostrannogo proiskhozhdeniya brat'ev Simolinikh vo vtoroy polovine XVIII veka [Language Practices of the Brothers Simolin, Russian Foreign-Born Diplomats, in the Second Half of the 18th Century]. *Quaestio Rossica*. 11(4). P. 1264–1279. DOI: 10.15826/qr.2023.4.846 (In Russian)

Tatsenko T.N. 2016. O formulyare pisem nemetskikh territorial'nykh gosudarey XVI v. (po materialam Nauchno-istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN) [About the form of Letters of German Territorial Sovereigns of the 16th Century (Based on Materials from the Scientific-Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Ed. N.N. Smirnov. Vol. 35. P. 469–493. (In Russian)

Trachevskiy A.S. 1877. *Soyuz knyazey i nemetskaya politika Ekateriny II, Fridrikha II i Iosifa II. 1780–1790 gg.* [The League of Princes and the German Policy of Catherine II, Frederick II and Joseph II]. Saint Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha. 524 p. (In Russian)

Schwarcz I. 2022. Prinyatie imperatorskogo titula kak element strategii v reformennoy politike Petra I [The Adoption of the Imperial Title as an Element of Strategy in the Reform Policy of Peter I]. *Istoricheskaya ekspertiza*. №3. P. 152–178. DOI: 10.31754/2410-1419-2022-3-152-178 (In Russian)

Zyabrikov V.V. 2020 *Za Rodinu i Slavu: Vtoraya voyna za Sileziyu (1744–1745)* [For the Fatherland and Glory: The Second Silesian War (1744–1745)]. Moscow: OOO «Slovo». 604 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Анисимов М.Ю. 2020. *Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)*. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 457 с.
- Бантыш-Каменский Н.Н. 1896. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год): В 4-х частях. Ч. 2: Германия и Италия*. Москва: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа. 273 с.
- Беляев М.П. 2022. Языковые проблемы и проблемы перевода на Вестфальском мирном конгрессе. *Средние века*. 83(2). С. 50–65. DOI: 10.7868/S0131878022020039
- Болотина Н.Ю. 2013. Грамоты императора Священной Римской империи Карла VI русскому царю Петру I в собрании РГАДА. *Вестник архивиста*. 3(123). Июль – сентябрь. С. 244–260.
- Болотина Н.Ю. 2022. Грамоты английских монархов Петру I в собрании Российского государственного архива древних актов. *Россия и Великобритания: пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса*. Санкт-Петербург: Европейский дом. С. 715–723.
- Гуськов А.Г. 2007. Источники Великого посольства 1697–1698 гг.: грамоты. *Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского: сборник статей*. Отв. ред. А.В. Семенова. Москва: ИРИ РАН. С. 208–240.
- Зябриков В.В. 2020. *За Родину и Славу: Вторая война за Силезию (1744–1745)*. Москва: ООО «Слово». 604 с.
- Карданова Н.Б. 2013. *Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет*. Москва: ИНДРИК. 448 с.
- Кашганов С.М. 1988. *Русская дипломатика*. Москва: Высшая школа. 231 с.
- Ларина Я. 2023. Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка. *Quaestio Rossica*. 11(4). С. 1196–1214. DOI: 10.15826/qr.2023.4.842
- Оффорд Д., Ржеуцкий В., Арджент Г. 2022. *Французский язык в России: Социальная, политическая, культурная и литературная история*. Москва: Новое литературное обозрение. 888 с.
- Петрова 2021. Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. *Вестник МГИМО-Университета*. 14(6). С. 89–109. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-6-81-89-109
- Петрова М.А. 2022. Признание императорского титула российских государей Священной Римской империей: проблема и пути её решения (первая половина 1740-х годов). *Новая и новейшая история*. №6. С. 43–59. DOI: 10.31857/S013038640021151-4
- Петрова М.А. 2023а. Легитимация великого князя Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского в Священной Римской империи. *Новая и новейшая история*. 67(6). С. 34–48. DOI: 10.31857/S013038640026774-9
- Петрова М.А. 2023б. Языковые практики российских дипломатов иностранного происхождения братьев Симолиных во второй половине XVIII века. *Quaestio Rossica*. 11(4). С. 1264–1279. DOI: 10.15826/qr.2023.4.846
- Таценко Т.Н. 2016. О формуляре писем немецких территориальных государей XVI в. (по материалам Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории РАН). *Вспомогательные исторические дисциплины*. Отв. ред. Н.Н. Смирнов. Вып. 35. С. 469–493.

Трачевский А.С. 1877. *Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II. 1780–1790 гг.* Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича. 524 с.

Хаванова О.В. 2022. Рождение эрцгерцога Иосифа и символическая дипломатия венского двора в 1741 г. *Славяноведение*. №5. С. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X0022079-9

Хаванова О.В. 2023. «Дружебные обязательства» Санкт-Петербурга и Вены: обмен грамотами и посольствами накануне и в годы Семилетней войны. *Россия в глобальном конфликте XVIII века: Семилетняя война (1756–1763) и российское общество*. Москва: Новое литературное обозрение. С. 144–162.

Шварц И. 2022. Принятие императорского титула как элемент стратегии в реформенной политике Петра I. *Историческая экспертиза*. №3. С. 152–178. DOI: 10.31754/2410-1419-2022-3-152–178